

Харлан Кобен
Скованные одной цепью
Серия «Майрон Болитар», книга 10

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5690664
Кобен, Харлан Скованные одной цепью: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083897-4
Оригинал: HarlanCoben, "LIVE WIRE"
Перевод:
Н. Сафьянов

Аннотация

Сьюзи, давняя клиентка Болитара, в отчаянном положении: пропал ее муж Лекс, известный рок-музыкант. И, судя по всему, его исчезновение – лишь часть чьего-то плана, цель которого – уничтожить и саму Сьюзи, прежде звезду тенниса, и ее семью.

Кому и зачем это понадобилось?

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, Майрон Болитар приступает к поискам пропавшего. Но, соглашаясь помочь Сьюзи, он никак не предполагал, что в ходе расследования ему придется раскрыть немало тайн собственной семьи и не раз рискнуть жизнью ради спасения своих близких...

Содержание

1	5
2	6
3	9
4	13
5	23
6	27
7	33
8	41
9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Харлан Кобен

Скованные одной цепью

Посвящается Энн. Лучшее еще впереди

Harlan Coben

LIVE WIRE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Aaron M. Priest и The Van Lear Agency.

© Harlan Coben, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

1

Самая отталкивающая правда, услышал как-то Майрон от одного приятеля, всегда лучше самой привлекательной лжи.

Сейчас, глядя на отца, лежащего на больничной койке, Майрон вспомнил эти слова. Он перенесся на шестнадцать лет назад, вернувшись к тому моменту, когда солгал отцу в последний раз. Это была ложь, разбившая не одно сердце и породившая самые печальные последствия; ложь, положившая начало трагическим потрясениям, которой суждено разрешиться катастрофой здесь и сейчас.

Глаза у отца оставались закрытыми, дыхание – тяжелым и прерывистым. Трубки, казалось, опутывали его целиком. Майрон задержал взгляд на отцовской руке. Он вспомнил, как ребенком заходил к папе в тот склад в Ньюарке, как тот сидел, с завернутыми рукавами, за своим огромным столом. Тогда его руки были достаточно мощными – рукава рубашек на них едва не лопались, а манжеты, плотно охватывая запястья, походили скорее на жгуты. Теперь же мышцы сделались дряблыми, словно годы выкачали из них весь воздух. Грудь все еще была широкой, но сделалась такой хрупкой, что казалось: стоит надавить ладонью, и ребра сломаются, как высохшие прутья. На небритом лице, взамен намека на щетину, начинавшую пробиваться к пяти часам, появились темные пятна, кожа подбородка сморщилась, на шее образовались складки, словно воротник на размер больше, чем нужно.

У кровати сидела мать Майрона. Уже сорок три года она была замужем за Элом Болитаром. Рука ее, дрожавшая, как у всех страдающих болезнью Паркинсона, накрывала ладонь мужа. Вид у нее тоже был убийственно слабый. В молодости мать Майрона стояла у истоков феминистского движения. Вместе с Глорией Стайнем¹ она сожгла свой лифчик и носила толстовки с длинными рукавами и надписями типа: «Место женщины в палате представителей... и сенате». А теперь они были вместе, Эллен и Эл Болитар («Мы вроде как израильская авиакомпания «Эль-Аль», – всегда шутила мама²), побитые годами, доживающие свой век. Им повезло больше, чем огромному большинству престарелых возлюбленных, но, увы, именно так выглядит удача у финишной черты.

Богу не чуждо чувство юмора.

– Ну что, – негромко спросила мать Майрона, – договорились?

Майрон промолчал. Самая привлекательная ложь против самой отталкивающей лжи. Ему следовало усвоить урок еще тогда, шестнадцать лет назад, когда он солгал этому великому человеку, которого любил, как никого в жизни. Да нет, все не так просто. Самая отталкивающая правда может быть разрушительной. Она может перевернуть мир.

Или даже убить.

Так что, когда веки у отца задрожали и глаза открылись, когда человек, которого Майрон ставил выше всех на свете, растерянно, умоляюще, почти по-детски посмотрел на своего старшего сына Майрона, тот повернулся к матери и медленно кивнул. А потом подавил подступающие слезы и приготовился в последний раз солгать отцу.

---

¹ Глория Стайнем (р. 1934) – журналист, общественный деятель, лидер американского движения в защиту прав женщин. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² В ориг. имя отца Майрона – Al.

2

Шестью днями раньше

– Извини, Майрон, но мне нужна твоя помощь.

Это походило на чудо: роскошная, с великолепной фигурой дива, оказавшаяся в затруднительном положении, медленно всплывает в его кабинет будто персонаж старого фильма – впрочем, скорее не всплывает, а переваливается как утка. Что же касается фигуры, то роскошная дива находится на восьмом месяце беременности, а это в свою очередь, вы уж извините, вроде как убивает эффект чуда.

Диву звали Сьюзи Ти, по первой букве фамилии: Тревантино. Когда-то она была звездой тенниса и считалась в мировой профессиональной лиге плохой сексапильной девчонкой, более известной вызывающими нарядами, татуировками и пирсингом, нежели реальными спортивными достижениями. Что, однако же, не мешало ей быть сильным игроком и сделать кучу денег на стороне, главным образом в качестве пресс-атташе (Майрону нравился этот эвфемизм) «Ла-Ла-Летт», сети кофеен, где официантками работали полуобнаженные девицы и куда студенты любили заходить за «дополнительной порцией молока». Хорошие были времена.

Майрон раскинул руки:

– Для тебя, Сьюзи, что угодно, двадцать четыре часа в сутки, сама знаешь.

Они находились в его кабинете на Парк-авеню, где располагалось «Эм-Би пред», где «Эм» означало «Майрон», «Би» – Болитар, а «пред» – представительство интересов спортсменов, артистов и писателей, сокращенно – САП.

– Я весь внимание.

Сьюзи принялась кружить по кабинету.

– Даже не знаю, с чего начать. – Майрон уже открыл было рот, но она тут же вскинула руку: – Попробуй только сказать: «Начни сначала», – яйцо оторву.

– Только одно?

– Ну ты же помолвлен. Я забочусь о твоей несчастной невесте.

Кружение перешло в топот, все более настойчивый и нервный, так что в глубине души Майрон начал смутно опасаться, как бы роды не начались прямо сейчас, в его недавно обновленном кабинете.

– Э-э, ковер... – сказал он. – Его только что постелили.

Сьюзи нахмурилась, побегала еще немного и принялась грызть густо покрашенные ногти.

– Сьюзи?

Девушка остановилась. Их взгляды встретились.

– Выкладывай, – предложил Майрон.

– Помнишь, как мы познакомились?

Майрон кивнул. Он тогда всего несколько месяцев как окончил юридический факультет и начинал самостоятельное дело. Правда, тогда, у истоков, «Эм-Би пред» именовалось «Эм-Би спортс», потому что изначально клиентами Майрона были только спортсмены. А когда круг расширился и к спортсменам присоединились артисты, писатели и другие деятели искусств и вообще знаменитости, слово «спорт» из названия ушло.

– Конечно.

– Я была та еще оторва, верно?

– Ты здорово играла в теннис.

– Но это не мешало мне быть оторвой. Не надо пытаться подсластить пилюлю.

Майрон воздел руки к потолку:

– Тебе было всего восемнадцать.

– Семнадцать.

– Семнадцать, восемнадцать – какая разница. – Перед ним вдруг возникла картинка: вовсю печет солнце, Сьюзи со светлыми волосами, стянутыми в конский хвост, по лицу гуляет порочная улыбка, а по мячу она лупит справа так, словно это ее личный враг. – Ты тогда только перешла в профессионалы. Подростки развешивали в спальнях твои фотографии. Думали, вот-вот героиней легенд сделаешься. Родители землю рыли. Чудо еще, как ты выстояла.

– Вот-вот.

– Ну так в чем дело?

– Я беременна. – Сьюзи посмотрела на свой живот, словно он только что появился.

– Ну да, это я заметил.

– Жизнь, знаешь ли, хорошая штука. – Голос ее сделался мягким, задумчивым. – В общем, после всех тех лет, что была оторвой... я познакомилась с Лексом. Музыка он пишет классную, раньше так не писал. Теннисная академия процветает. В общем, все хорошо.

Майрон ждал продолжения. Взгляд Сьюзи остановился на животе, она словно видела, что в нем. Вероятно, так и есть, подумал Майрон.

– Тебе нравится быть беременной? – спросил он, просто чтобы поддержать разговор.

– То есть нравится ли носить ребенка, в чисто физическом смысле?

– Да.

– Не могу сказать, что я на седьмом небе от счастья, – пожала плечами Сьюзи. – Но я вполне готова к родам. И вообще это все интересно. Некоторые женщины обожают быть беременными.

– А ты нет?

– Ощущение такое, словно на мочевой пузырь поставили бульдозер. По-моему, женщинам нравится быть беременными, потому что это позволяет им чувствовать себя какими-то особенными. Вроде как маленькими знаменитостями. Большинство женщин проводят жизнь в тени, но стоит им забеременеть, как все вокруг начинают суетиться. Может, это прозвучит сурово, но мне кажется, беременные любят аплодисменты. Понимаешь, о чем я?

– Думаю, да.

– Ну а я свою долю аплодисментов уже получила. – Она подошла к окну и выглянула на улицу. Потом снова повернулась к Майрону. – Между прочим, ты заметил, какие у меня большие сиськи?

– Гм... – Ничего большего Майрон выдавить не решился.

– Подумать, так отчего бы мне не связаться с «Ла-Ла-Летт» на предмет новой фотосессии.

– Снимки во всех ракурсах?

– Вот именно. Эти птички могут отправиться в новый большой полет. – И она накрыла груди ладонями, на тот случай если Майрон вдруг подумает, что речь идет о каких-нибудь других птичках. – Что скажешь?

– Скажу, что ты просто ерундой занимаешься.

– Знаешь, я так счастлива. – Глаза ее увлажнились.

– Ну да, и я понимаю, чем это может быть чревато.

Сьюзи улыбнулась.

– Нет, демонов я отправила на отдых. Даже с матерью помирилась. Мы с Лексом более чем готовы к рождению ребенка. А демоны пусть остаются подальше.

– Ты что, снова взялась за старое? – Майрон так и привстал на месте.

– О Господи, я не о том. Я про других демонов. А в этом смысле мы с Лексом завязали.

Лекс Райдер, муж Сьюзи, представлял собой половину легендарного музыкального дуэта, известного под именем «Лошадиная сила», – откровенно говоря, значительно меньшую его часть, если сравнить с главной составляющей, потрясающим харизматиком Гэбриелом Уайром. Лекс был недурным, хотя и неровным музыкантом, но в любом случае вторым, Джоном Оутсом рядом с Дэрилом Холлом, Эндрю Риджли рядом с Джорджем Майклом, «Пусикет доллз» в полном составе рядом с Николь Шерзи... как ее там³.

– Что за демоны в таком случае?

Сьюзи потянулась за сумочкой, вытащила из нее нечто, показавшееся Майрону на расстоянии фотографией, подержала секунду перед глазами и передала ему. Он, бросив беглый взгляд на листок, принялся ожидать продолжения. Так ничего и не дождавшись, он наконец просто констатировал:

– Это сонограмма твоего младенца.

– Точно. В возрасте двадцати восьми недель.

Снова повисло молчание. И снова его прервал Майрон.

– С ребенком что-нибудь не так?

– Нет, с ним все в полном порядке.

– С ним?

На сей раз Сьюзи Ти улыбнулась:

– Это будет мой собственный мужичок.

– Круто.

– Ну да. Кстати, вот одна из причин, что привела меня сюда: мы с Лексом хотим, чтобы ты стал крестным.

– Я?

– Ну да, ты.

Майрон промолчал.

– Что скажешь?

– Почту за честь. – У него глаза увлажнились.

– Ты что, плачешь?

Майрон опять промолчал.

– Да ты настоящая девчонка, – сказала она.

– Что-нибудь не так, Сьюзи?

– Может, и ничего. – И добавила: – По-моему, мне грозит беда.

– Как это? – Майрон пристально посмотрел на сонограмму.

И тут она ему показала. Показала два слова, которые еще очень долго будут глухо отзываться эхом в его сердце.

---

³ Джон Оутс (р. 1949) и Дэрил Холл (р. 1946) – американский музыкальный дуэт; Эндрю Риджли (р. 1963) и Джордж Майкл (р. 1963) – английские музыканты, создавшие группу «Wham»; «Пусикет доллз» – американский танцевальный ансамбль, основанный в 1995 г.; Николь Шерзингер (р. 1978) – американская поп-певица, танцовщица и фотомодель.

3

Час спустя в кабинет Майрона ввалился Уиндзор Хорн Локвуд-третий, известный тем, кто его боится (а это практически все вокруг), под именем Уин. Вид у Уина был чрезвычайно важный, ему вполне подошли бы черный цилиндр, фрак и стек в руках. Он, однако, предпочитал зелено-розовый галстук от Лилли Пулитцер, голубой блейзер с чем-то напоминавшим герб, брюки цвета хаки с отутюженной складкой, такой острой, что до крови можно порезаться, мокасины на босу ногу, и вообще выглядел так, словно только вышел в плавание на яхте «Олд мани».

– Сьюзи Ти заходила, – сообщил Майрон.

Уин кивнул, выдвинув вперед челюсть.

– Да, я с ней у входа столкнулся.

– Как она выглядела, подавленной?

– Не заметил, – сказал Уин, усаживаясь на стул. – А вот грудь заметил, она сильно увеличилась.

Уин есть Уин.

– У нее какая-то проблема, – сказал Майрон.

Уин откинулся на спинку и скрестил ноги, приняв обычную расслабленную позу.

– А подробнее нельзя?

Майрон повернул экран компьютера, так чтобы Уину было видно. Час назад нечто подобное проделала Сьюзи. Тогда он задумался над этими двумя словами. Сами по себе они были вполне безобидными, но ведь жизнь – это цепь обстоятельств. И при определенных обстоятельствах от этих двух слов кровь стыла в жилах.

Уин прищурился, полез во внутренний карман блейзера и вытащил очки для чтения. Обзавелся он ими месяц назад, и хоть Майрон сказал бы, что это невозможно, очки придавали Уину еще более высокомерный и самодовольный вид. В то же время выглядел он в них подбрее. Им с Уином до старости было еще далеко – очень далеко, – но, прибегая к аналогии из гольфа, которую Уин употребил, впервые надевая очки, «официально мы прошли девятую лунку».

– Что это у тебя, «Фейсбук»?

– Да. Сьюзи сказала, что таким образом она рекламирует свою теннисную академию.

Уин наклонился к компьютеру чуть ближе.

– Это ее сонограмма?

– Да.

– И каким же образом сонограмма может популяризировать теннисную академию?

– Я задал ей тот же вопрос. Она ответила, что важен личный момент. Просто самореклама никому не интересна.

– И поэтому она выставляет сонограмму плода? – Уин нахмурился. – По-твоему, это имеет хоть какой-то смысл?

Майрон в этом сомневался. Уин в очках для чтения, обоим им неуютно в этом новом мире социальных сетей, и Майрон в очередной раз почувствовал себя старым.

– Взгляни на комментарии, – предложил он.

– По поводу сонограммы есть комментарии? – вытаращил глаза Уин.

– Ты почитай, почитай.

Уин погрузился в чтение. Майрон выжидал. Сам он неплохо запомнил эту страничку: там содержалось по меньшей мере двадцать шесть комментариев, в основном – добрые пожелания. Например, мать Сьюзи написала: «Эй, люди, я буду бабушкой. Как вам это?» Некая Эми высказалась просто: «Ух, класс!» Бодрое послание – «Не отстает от папаши» –

поступило от ударника, некогда выступавшего в «Лошадиной силе». Малыш по имени Келвин: «Ну даешь, поздр.!» Тами спросил: «Когда рожаеть-то, крошка?»

Уин задержался на третьем послании снизу:

– Забавный тип.

– Кто именно?

– Какой-то говнюк-гуманоид по имени Эрик пишет... – Уин откашлялся и наклонился к экрану: – «Твой малыш похож на морского конька». И дальше этот Эрик Бунтарь добавляет большими буквами «РЖУНИМАГУ».

– Нет, ищи другого.

Уина это не убедило.

– Все же к старине Эрику стоило бы зайти.

– Читай дальше.

– Ладно. – У Уина редко менялось выражение лица. И в делах, и в бою он приучил себя никак не выказывать своих чувств. Но сейчас Майрон заметил, что глаза его друга вроде как потемнели. Уин оторвался от экрана, и Майрон кивнул: ему стало ясно, что Уин обнаружил эти два слова.

Они были в самом низу страницы, в послании, подписанном «Абеона П.», – имя это ничего Майрону не говорило. Они сопровождались каким-то символом, похожим на китайский иероглиф. И тут же, заглавными буквами, без пунктуации, два слова, простых, но убийственных: «РЕБЕНОК ЧУЖОЙ».

Молчание.

– Ничего себе, – произнес наконец Уин.

– Вот именно.

Уин снял очки.

– Хотелось бы задать закономерный вопрос.

– Какой?

– Это правда?

– Сьюзи клянется, что ребенок от Лекса.

– И мы ей верим?

– Верим, – кивнул Майрон. – А это имеет значение?

– В этическом смысле – нет. Хочешь знать мое мнение? Это дело рук какого-нибудь шутника гермафродита.

– Вот чем хорош Интернет, – заметил Майрон. – Он дает возможность высказаться каждому. А вот чем Интернет плох: он дает возможность высказаться каждому.

– Мощный бастион для трусов и анонимщиков, – согласился Уин. – Наверное, Сьюзи стоило бы стереть эту запись до того, как ее увидит Лекс.

– Уже поздно. И это тоже проблема. Лекс вроде как сбежал.

– Ясно, – кивнул Уин. – И Сьюзи хочет, чтобы мы его нашли?

– Да, и вернули домой.

– Ну, знаменитую рок-звезду найти не так уж трудно, – сказал Уин. – А еще какие проблемы?

– Она хочет знать, кто это написал.

– То есть подлинное имя мистера Шутника Гермафродита?

– Сьюзи кажется, что дело тут посложнее. Она считаете, кто-то охотится за ней всерьез.

Уин покачал головой:

– Уверен, это Шутник Гермафродит.

– Да брось ты. «ЧУЖОЙ»? Это же больным надо быть.

– Хорошо, больной Шутник Гермафродит. Ты что, впервые с такой чушью в Интернете сталкиваешься? Да на любую новостную страницу загляни, и сразу увидишь расист-

ские, человеконенавистнические, параноидальные «комментарии». – Уин изобразил пальцами кавычки. – На луну завоешь.

– Верно, но я обещал ей заняться этим делом.

Уин вздохнул, снова нацепил очки на нос и приник к экрану компьютера.

– Автор послания – Абеона П. Ник, надо полагать.

– Ну да. Абеоной звали одну из римских богинь. А вот к чему буква П, ни малейшего понятия не имею.

– А как насчет знака? Что это за символика?

– Опять же понятия не имею.

– У Сьюзи не спрашивал?

– Спрашивал. Она тоже не знает. Похоже на китайский иероглиф.

– Может, удастся найти кого-нибудь, кто переведет. – Уин откинулся на спинку стула и переплел пальцы. – Время, когда было выложено послание, заметил?

– Тринадцать утра, – кивнул Майрон.

– Поздновато, однако. Или, наоборот, рановато.

– Вот и я подумал, – сказал Майрон. – Может, в социальных сетях таким образом пьянчужки переписываются?

– Или с бывшими, кому есть что сказать, – предположил Уин.

– А что, есть кандидат?

– Если припомнить бурную молодость Сьюзи, даже не один, а несколько, и это еще мягко сказано.

– Но среди них, по ее соображениям, нет человека, способного на такое.

Уин по-прежнему вглядывался в экран.

– Ладно, с чего начинаем?

– Что-что?

– С чего начинаем, спрашиваю.

Майрон принялся мерить шагами свой обновленный кабинет. Исчезли афиши бродвейских спектаклей и всяческие штучки в память о Бэтмене. Их вынесли перед покраской, и нельзя сказать, чтобы Майрону их так уж не хватало. Исчезли и его старые трофеи и награды, оставшиеся с тех пор, как он занимался спортом, – чемпионские перстни Национальной студенческой спортивной ассоциации, грамоты за победы в соревнованиях на первенство страны, приз лучшего спортсмена-студента года – все, за одним исключением. Прямо перед игрой за «Бостон селтик», первым выступлением в профессиональной лиге, когда мечта Майрона наконец-то должна была сбыться, он серьезно повредил колено. «Спортс иллюстрейтед» напечатал на обложке его фотографию с надписью: «Это конец?» И хотя ответа на вопрос журнал не дал, все действительно свелось к большому жирному «ДА!». Майрон и сам не сказал бы, зачем сохранил эту обложку, да еще и в рамке. Спроси кто-нибудь его, он ответил бы, что это предупреждение любой переступающей порог его кабинета «суперзвезде»: все может очень быстро закончиться. Но в глубине души Майрон подозревал, что дело не только в этом.

– Обычно ты не так действуешь, – сказал он Уину.

– Да, а как?

– Обычно на этой стадии ты говоришь мне, что я не соглядатай, а агент, а ты не видишь смысла браться за дело, потому что оно не принесет фирме никакой прибыли.

Уин промолчал.

– Потом ты начинаешь бурчать, что у меня комплекс героя, которому, чтобы ощутить себя полноценной личностью, надо непременно кого-то спасать. И наконец – во всяком случае, так было в последний раз – ты заявляешь, что от моего вмешательства больше вреда,

чем пользы, и что в результате я не столько кому-то помогаю, сколько наношу вред или даже убиваю.

– Ну и что из всего этого следует? – зевнул Уин.

– По-моему, это ясно. Но если нет, изволь: с чего это ты вдруг так охотно, я бы даже сказал – с энтузиазмом, решил взяться за эту конкретную спасательную операцию, хотя раньше...

– Раньше, – не дал договорить Майрону Уин, – я всегда приходил на выручку. Разве не так?

– Чаще всего да.

Уин оторвался от компьютера и побарабанил пальцем по подбородку.

– С чего это, спрашиваешь? – Он замолчал, подумал, кивнул. – Мы привыкли верить в то, что хорошее пребудет с нами вечно. Это у нас в крови. Например, «Битлз». О да, конечно, они останутся в воздухе, которым дышат люди. И сериал «Клан Сопрано» тоже никуда не исчезнет. И цикл романов Филипа Рота о Цукермане⁴. И концерты Брюса Спрингстина. Хорошее – редкость. И его следует лелеять именно потому, что оно – редкость.

Уин встал, направился к двери и у выхода обернулся.

– Заниматься с тобой такими делами, – добавил он, – это из того же рода: нечто действительно стоящее.

---

⁴ «Литературный негр» (1979), «Освобожденный Цукерман» (1981), «Урок анатомии» (1983) и «Скованный Цукерман» (1985).

4

Найти Лекса Райдера труда не составило.

В одиннадцать вечера того же дня Майрону позвонила его деловая партнерша по «Эм-Би пред» Эсперанса Диас.

– Лекс только что воспользовался своей кредиткой в «Даунинг, три».

Майрон, как нередко бывало, находился в это время у Уина, занимавшего квартиру в легендарном здании «Дакота» на углу Семьдесят второй улицы с видом на Центральный парк. У Уина была комната для гостей, а может, даже целых три. «Дакоту» построили в 1884 году, и вид здания вполне соответствовал этой дате. Напоминающее крепость сооружение было красивым, мрачным и навевало своим видом чувство светлой печали. Множество затейливых фронтонов, террас, флеронов, балюстрад, башенок, коньков, чугунных лесенок, арок, изогнутых перил, бойниц делали его удивительно цельным, лишенным каких бы то ни было швов-шрамов. Здание не подавляло, а скорее завораживало архитектурным совершенством.

– Что это такое? – осведомился Майрон.

– Неужели ты не знаешь «Даунинг, три»? – удивилась Эсперанса.

– А должен знать?

– Да это же самый популярный бар в Нью-Йорке, где собираются хиппи. Дидди⁵, супер-модели, тусовщики – такая примерно публика. Это в Челси.

– Ясно.

– Печально, однако, – заметила Эсперанса.

– Что печально?

– Что игроки твоего уровня не знают таких популярных мест.

– Когда мы с Дидди закатываемся куда-нибудь, то берем белый «хаммер-стретч» и пользуемся входом из подземного гаража. А названия путаются в голове.

– Или просто из-за помолвки у тебя ранний склероз развился, – бросила Эсперанса. – Так что, отправляешься туда за ним?

– Я в пижаме.

– Ясно, игрок. А кто-нибудь еще в пижаме там есть?

Майрон снова посмотрел на часы. К полуночи, даже раньше, можно добраться до центра.

– Я уже еду.

– Уин там? – спросила Эсперанса.

– Нет, еще не вернулся.

– Выходит, один отправляешься?

– Волнуешься, что такой красавчик, как я, окажется в ночном клубе один?

– Волнуюсь, что тебя не впустят. Буду ждать тебя там. Через полчаса. Вход с Семнадцатой. Оденься так, чтобы тебя заметили.

Эсперанса повесила трубку. Майрон был удивлен. Став матерью, Эсперанса – некогда кутившая ночи напролет бисексуальная девица, любительница всяческих застолий – больше одна по вечерам из дома не выходила. Она всегда серьезно относилась к работе, а сейчас, владея сорока девятью процентами акций «Эм-Би пред», да еще, учитывая участвовавшие в последнее время странные отлучки Майрона, практически тащила на себе все бремя забот о фирме. После десяти с лишним лет жизни столь разгульной, что позавидовал бы и сам

---

⁵ Дидди – псевдоним Шона Джона Коумза, одного из лидеров хип-хопа, основавшего в 2009 г. группу «Дидди-дерти мани».

Калигула, Эсперанса резко остановилась, вышла замуж за суперправильного Тома и родила сына, которого назвала Гектором. За какие-то четыре с половиной секунды она превратилась из Линси Лохан в Кэрол Брейди⁶.

Майкл открыл платяной шкаф и прикинул, что бы надеть в модный ночной клуб. Эсперанса сказала: «Оденься так, чтобы тебя заметили». Он остановился на верном и испытанном наряде в стиле Мистер Небрежное Щегольство – джинсы, голубой блейзер, легкие мокасины из дорогой кожи – главным образом потому, что больше ничего соответствующего такому случаю у него не было.

У входа в Центральный парк Майрон схватил такси. Отличительной чертой нью-йоркских таксистов считается то, что все они – иностранцы, с трудом изъясняющиеся по-английски. Может, оно и так, но Майрон по меньшей мере пять лет не разговаривал ни с кем из них. Несмотря на принятые в последнее время законы, у любого нью-йоркского таксиста торчали наушники от сотового, по которому он спокойно разговаривал с собеседником на родном языке. Даже оставляя в стороне вопросы поведения за рулем, Майрон никак не мог взять в толк, как эти люди находят тех, кто готов целыми днями болтать с ними по телефону. В этом смысле их, пожалуй, вполне можно назвать счастливицами.

Майрон рассчитывал увидеть длинную очередь, бархатную ленту ограждения – словом, хоть что-нибудь, – но когда они подъехали к нужному дому на Семнадцатой, никакой вывески, свидетельствующей о том, что здесь расположен ночной клуб, не обнаружилось. Только потом он сообразил, что слово «три» означает третий этаж, а «Даунинг» – название чего-то похожего на вышку перед ним. Наверняка кто-то очень веселился, изобретая это название⁷.

Лифт остановился на третьем этаже. Как только раздвинулись двери, Майрон мгновенно почувствовал, что в груди глухо отозвались звуки музыки. Сразу у лифта начиналась длинная очередь жаждающих попасть внутрь. Считается, что люди ходят в клубы вроде этого, чтобы хорошо провести время, но на самом деле многие целый вечер или даже ночь так дальше очереди не продвигаются, а очередь служит напоминанием о том, что они еще недостаточно крутые, чтобы сидеть за одним столиком со знаменитостями. Мимо них, не удостоивая и взглядом, проходили всякие важные персоны, и от этого им еще больше хотелось оказаться в зале. Вот тут, конечно, имелась бархатная лента, указывая тем, кто стоит по ту сторону, на их приниженное положение. Тут же стояли трое охранников – качки с бритыми головами и привычно грозными взглядами.

Майрон подошел к ним небрежной походкой в лучшем стиле Уина.

– Здорово, ребята.

Качки не обратили на него ни малейшего внимания. На самом здоровом из них был темный костюм без рубашки. Вообще без рубашки. Просто пиджак на голое тело. Грудь у него была навощена до блеска, что подчеркивало впечатляющую сексуальную мускулатуру. Он разбирался с четырьмя девицами, каждой из которых было на вид, скажем, по двадцать одному году. Все были на смехотворно высоких каблуках – явно по последней моде, – так что они скорее покачивались, чем стояли как люди. Качок обследовал их, как скот при покупке. Майрон едва не решил, что они вот-вот откроют рот, чтобы продемонстрировать зубы.

– С вами тремя все в порядке, – объявил мистер Мускул. – А вот подружка ваша полновата.

Полноватая – платье у нее было, наверное, восьмого размера – залилась слезами. Ее три похожие на беспризорниц подружки собрались в кружок и принялись рассуждать, стоит ли

⁶ Линси Лохан (р. 1986) – популярная американская киноактриса и певица; Кэрол Брейди – героиня телешоу, воплощающая тип примерной домохозяйки – жены киноактера.

⁷ На Даунинг-стрит в Лондоне расположена резиденция премьер-министра Великобритании.

им идти без нее. Полноватая с рыданиями убежала. Девушки пожали плечам и вошли внутрь. Качки ослабли.

– Сила! – заметил Майрон.

Качки повернулись к нему. Мускул с вызовом посмотрел на него. Майрон смело выдержал взгляд. Мускул осмотрел Майрона с головы до ног и явно решил, что у него не все дома.

– Классный прикид, – заметил мистер Мускул. – Ты куда наладился – в суд, штрафной талон за неправильную парковку оспаривать?

Двум его приятелям, одетым в туго обтягивающие плечи футболки, явно понравилась шутка.

– Угадал, – сказал Майрон, указывая ему пальцем в грудь. – Пожалуй, и мне не надо было надевать рубашку.

Качок, стоявший слева от мистера Мускула, удивленно приоткрыл рот.

Мистер Мускул величественно выставил вперед большой палец:

– Ладно, приятель, хорош, становись в конец очереди. А еще лучше – просто вали отсюда.

– Мне надо с Лексом Райдером повидаться.

– А кто сказал, что он здесь?

– Я говорю.

– И кто же ты такой?

– Майрон Болитар.

Молчание. Один из качков заморгал. Майрон едва не воскликнул: «Вот так-то!» – но удержался.

– Я его агент.

– Твоего имени нет в списке, – отрезал Мускул.

– И мы тебя не знаем, – добавил Круглый Рот.

– Так что, – пошевелил пальцами-сосисками третий качок, – пока-пока.

– Забавно, – сказал Майрон.

– Что-что?

– Вы разве, ребята, сами не видите, насколько это смешно? – осведомился Майрон. – Вы привратники, сторожите дом, куда вас самих никогда не пустят, и вот, вместо того чтобы осознать это и вести себя по-человечески, вы просто клоунами выставляетесь.

Один из качков снова заморгал. Потом все трое двинулись на Майрона – мощная стена мышц. Болитар почувствовал, как у него закипает кровь и руки сжимаются в кулаки. Он разогнул пальцы и задышал ровнее. Они сделали еще шаг в его сторону. Майрон не пошевелился. Мистер Мускул, явно старший в этой троице, наклонился к нему:

– Шел бы ты лучше отсюда, приятель.

– С чего бы это? Может, я тоже полноват? Кстати, серьезно: может, у меня в этих джинсах задница слишком большая? Так ты скажи, тебе виднее.

Длинная очередь ожидающих притихла, захваченная перепалкой. Качки переглянулись. Майрон мысленно выругал себя. Вся эта болтовня была контрпродуктивна. Он пришел сюда за Лексом, а не состязаться с накачанными болванами.

– Так-так... – улыбнулся мистер Мускул, – похоже, к нам комик пожаловал.

– Вот-вот, – подхватил Круглый Рот, – комик. Ха-ха.

– Точно, – заметил третий. – Ты ведь у нас настоящий комик, верно, паренек?..

– А еще, – сказал Майрон, – одаренный вокалист, хотя так говорить о себе, наверное, нескромно. Обычно я начинаю концерт со «Слез клоуна», потом перехожу к упрощенной версии «Дамы» – в духе скорее Кенни Роджерса, чем Лайонела Ричи.

Мускул припал едва ли не к самому уху Майрона, приятели остановились поблизости.

– Надо полагать, ты понимаешь, что мы тебя сейчас вздуем.